

Цзи Чжаньюй не знал, что на свете существует такая странная особенность — кошачий язык.

Чу Инь страдал от излишней чувствительности своего языка, поэтому всю жизнь мог питаться лишь пресной, легкой пищей... Но в детстве его еще сильнее манили запретные лакомства, и он тайком, за спиной у родных, ел их.

После этого его язык опухал и начинал болеть, долго не заживая, из-за чего он еще несколько дней не мог нормально есть.

В этом и заключалась вся правда о том, почему окружающие считали его таким привередливым в еде...

Впрочем, с возрастом эта напасть стала уже не такой сильной, как раньше, и Чу Инь списывал такие перемены на то, что его кожа да шкура стали грубее.

А погруженный в мечты о вкусной еде Чу Инь даже не подозревал, что его ответ буквально взорвал процессор в голове Цзи Чжаньюя.

Цзи Чжаньюй погрузился в затяжное молчание... Выходило, что все его прежнее понимание было лишь его собственными иллюзиями?

Так что в прошлый раз ему отказали в признании вовсе не без причины.

Цзи Чжаньюй подумал, что, пожалуй, ему стоило бы получше подготовиться, а затем... попробовать еще раз?

При этой мысли дыхание Цзи Чжаньюя даже немного участилось:

— Ты не привередлив в еде? И правда любишь хого?

Чу Инь был занят поглощением пищи и посчитал, что у Цзи Чжаньюя, который без конца задает одни и те же вопросы, явно не все дома, поэтому не удержался и закатил глаза.

Слушая то, что было сказано вначале, Чу Инь мгновенно просиял, но когда в самом конце услышал, как Цзи Чжаньюй назвал его капитаном, его уши чуть забавно дернулись, и он, кажется, даже немного смутился.

Цзи Чжаньюй, очевидно, тоже понял смысл слов Чу Иня.

Подумав немного, Цзи Чжаньюй произнес:

— Тогда не мог бы ты в качестве платы помочь мне написать песню? Сам знаешь, моя студия только открылась, деньги нужны на каждом шагу, а у сериала, в который я сейчас вложился, до сих пор не утверждены ни главная тема, ни вставки... Поможешь мне, капитан?

Да, куда больше вопроса о том, с кем разделить трапезу, его волновал расчет за работу.

Он по-прежнему держит с ним официальную дистанцию...

Чу Инь как раз запихнул в рот огромный кусок угря с рисом, его щеки раздулись от еды, но при этом лицо оставалось совершенно беспристрастным.

Чу Инь счел это странным:

— Раз у тебя нет компаньона для обедов, ты решил поесть со мной?

Цзи Чжаньюй очень хотел ответить: да никаких «почему», просто хочу делать с тобой абсолютно всё.

Но действовать нужно постепенно, начав хотя бы с таких отношений, как сейчас. Раз он согласился ответить, значит, у них еще остался шанс на общение.

Цзи Чжаньюй с горьким вздохом подумал, что вряд ли тот вечно будет держаться с ним так официально. Даже если они не смогут стать возлюбленными, нужно добиться того, чтобы хотя бы остаться близкими, очень важными друзьями.

К тому же в душе он не испытывал к Цзи Чжаньюю сильной неприязни: Цзи Чжаньюй был красив, смотреть на него было приятно глазу, и он действительно помогал лучше усваивать пищу.

Разве можно заработать несварение желудка, если изо дня в день обедать с тем, кто тебе неприятен?

Чу Инь попытался мысленно примерить эту ситуацию на себя... Ну ладно, он решил, что с ним такого бы не случилось.

Пока можно вкусно есть и пить, ему было совершенно все равно, с кем делить трапезу.

Он нарочито указал на них обоих, подчеркивая характер их отношений.

Он не хотел постоянно пользоваться чужой щедростью, поэтому, даже несмотря на слова Цзи Чжаньюя о том, что тот угощает, Чу Инь снова вернулся к этому вопросу и переспросил.

Заполучить его в компаньоны по обедам было, пожалуй, выгодным делом...

— А как насчет оплаты? — разобравшись во всем, задал самый волнующий вопрос Чу Инь.

Но он не решался говорить слишком прямо, опасаясь показаться навязчивым.

Цзи Чжаньюй в волнении прождал добрую половину дня, и лишь когда Чу Инь наконец проглотил набитый рисом рот, дождался ответа:

— Ты еще и угостить меня хочешь? Почему?

— Моя студия находится здесь, но я не хочу питаться в столовой для сотрудников, а есть где-то на стороне в одиночку скучно... Ты, наверное, не знаешь, но никто из них не хочет обедать вместе с боссом. — Цзи Чжаньюй на ходу придумал отговорку, звучащую весьма правдоподобно.

Поразмыслив, Цзи Чжаньюй с осторожностью предложил:

— Завтра угощу тебя хого?

Цзи Чжаньюй тихонько усмехнулся, стараясь сделать так, чтобы Чу Инь ничего не заметил.

Синьи и впрямь была студией на самом старте, но вот о чем точно не нужно было беспокоиться, так это о финансах, а вот главная тема для Алых девять небес действительно еще не была утверждена.

Изначально Цзи Чжаньюй просто был недоволен тем, что ему прислали ранее. Позже, после возвращения Чу Иня на родину, в его голове то и дело всплывали смутные мысли об этом деле, и подсознательно, еще до того, как разум успел среагировать, у него уже созрел план отдать эту работу Чу Иню.

Раньше он совсем не думал о том, как завести об этом разговор с Чу Инем, но сейчас всё сложилось само собой, и он просто плыл по течению.

В мыслях же Чу Иня промелькнуло: еще бы, такое везение!

Он в последнее время подсел на видео по Алым девять небес и как раз пробовал писать музыку в подобном ключе — ему хотелось вплести в мелодию тот образ мира бессмертных и демонов, что жил в его воображении.

Стоило только захотеть спать, как кто-то любезно подложил подушку. Но разве Цзи Чжаньюй

не терпеть его не может? Разве станет кто-то протягивать руку помощи тому, кого ненавидит?

Может, Цзи Чжаньюй и сам не понимает, что сейчас он вроде как «подает уголь в снежную бурю»? Или он просто хочет потешить самолюбие: насладиться чувством превосходства над бывшим соперником, которому теперь приходится трудиться под его началом? Подумав, что это станет хорошим способом унижить человека?

Чу Инь мысленно покачал головой: как жаль, Цзи Чжаньюй наверняка и не догадывается, что он способен проявить гибкость и стерпеть ради дела!

Придя к соглашению о сотрудничестве, они приятно пообедали, и на прощанье Цзи Чжаньюй наказал ему в случае ухудшения самочувствия обязательно съездить в больницу и поставить капельницу с глюкозой.

Чу Инь рассеянно кивнул, но в мыслях даже не собирался никуда ехать... Он прекрасно знал свое тело, никаких серьезных проблем у него не было — лишь капризы избалованности.

Вернувшись домой, Чу Инь первым делом позвонил Сяо Цжун и распродал часть вещей и одежды, которые посчитал ненужными, после чего сел за работу над песней.

Раньше он писал на компьютере из гостевой комнаты Гу Тинъяня и своим пианино, и набросок уже был сохранен на жестком диске, но вот новые озарения и пометки он привык записывать на бумаге.

Пошарив в чемодане, он так и не обнаружил свою привычную стопку нотной бумаги.

Чу Инь присел перед компьютером и задумался: судя по всему, он случайно зажал листы между клавиш пианино и забыл забрать...

Возвращаться ли за ними?

Стоило Чу Иню вспомнить Гу Тинъяня и Нин Цзюя, как на душе противно заскребли кошки.

Да ну, в конце концов, осталось всего полмесяца, и когда придет время, Гу Тинъянь сам перешлет его вещи по новому адресу, избавив от необходимости снова мелькать перед глазами Нин Цзюя.

Как бы то ни было, вещи, оставшиеся в доме Гу Тинъяня, принадлежали ему, а поскольку их связывал действующий финансовый договор, Гу Тинъянь наверняка не опустится до того, чтобы выбросить его пианино.

Мать с детства учила Чу Иня хорошим манерам и тому, что нельзя шарить по чужим вещам...

но, очевидно, матери есть далеко не у каждого.

Вернувшись в ту самую виллу, где жил Чу Инь, Гу Тинъянь и сам не понимал, что творится у него на душе.

После того злополучного визита в больницу и до сегодняшнего дня он то и дело возвращался в этот дом, хотя прежде почти не бывал здесь — всего полмесяца пребывания Чу Иня полностью изменили его привычки.

Растянувшись на диване, он уверял себя, что в этом нет ничего особенного.

Стоило ему произнести это про себя, как в памяти вспыхнул случайный образ: распахнутая как-то раз дверь в ванную и мелькнувший силуэт.

Гу Тинъянь помотал головой, и в груди вновь заворочалось раздражение... В конце концов, он гей, и разве есть что-то предосудительное в том, что он обращает слишком много внимания на тело другого мужчины?

То, что он никак не может выбросить это из головы, тоже ведь не его вина, верно?

Успокоив себя подобными рассуждениями и почувствовав, как уходит тяжесть с сердца, Гу Тинъянь погрузился в дремоту.

Сквозь сон он услышал трезвон собственного телефона, но понятия не имел, сколько проспал.

Благодаря установленной особой мелодии Гу Тинъянь даже не глянул на экран и сразу принял вызов.

— Братец Тинъянь, скорее открой мне дверь, я вижу, у тебя горит свет! — раздался в трубке сладковатый голосок Нин Цзюя.

Гу Тинъянь неожиданно почувствовал глухое раздражение.

В этом доме на каждом шагу чувствовалось присутствие Чу Иня, и эти следы вполне могли остаться в его памяти светлым воспоминанием, но Нин Цзюй словно нарочно вклинился сюда, все перемешав и замутив.

Впрочем, Гу Тинъянь в тот момент еще не отдавал себе отчета в собственном состоянии — он просто искренне не хотел, чтобы Нин Цзюй приходил сюда.

Даже тот случай, когда в день своего опьянения он попросил Нин Цзюя указать дорогу к

этому дому, уже заставил его пожалеть о содеянном.

И все же Гу Тинъянь поднялся и открыл дверь Нин Цзию: мимолетное недовольство не шло ни в какое сравнение с семью годами вложенных чувств.

Переступив порог, Нин Цзией льнучно обнял его:

— Братец Тинъянь, я же знал, что ты здесь, как хорошо, что я не ошибся адресом.

Нин Цзией крайне редко проявлял инициативу, так что даже вопреки нежеланию видеть его в этом доме, стоило Гу Тинъяню услышать эти слова, как его сердце смягчилось:

— Что случилось, Цзией, зачем ты пришел?

Уголки глаз Нин Цзия были округлыми, и когда он расстраивался, то слегка опускались вниз, из-за чего он становился похож на невинного, жалобного щенка. Стоило ему сделать такой взгляд, как Гу Тинъянь моментально сгорал дотла, и всякая злость испарялась.

В прошлый раз, когда он заставил Гу Тинъяня бросить Чу Иня и поехать за ним, Нин Цзией использовал ровно тот же прием, чтобы помириться.

Стоило увидеть это выражении лица, как Гу Тинъянь устало потер переносицу:

— Говори уж, я помогу тебе.

В глубине души он прекрасно понимал: Нин Цзией никогда не приходит просто так.

— Братец Тинъянь, можно я побуду у тебя в последнее время? Я застрял в творческом тупике и хочу сменить обстановку, авось удастся поймать вдохновение.

— ... — Гу Тинъянь засомневался. — В районе вилл Сянсян атмосфера куда лучше, у меня там тоже есть недвижимость с отличным ремонтом. Если хочешь искать вдохновения в новой обстановке, поезжай лучше туда.

Нин Цзией заморгал:

— Но гора Сянсян так далеко от центра, мне будет неудобно ездить на работу... А здесь и тишина, и до города рукой подать, по-моему, это место подходит куда лучше.

Порой Гу Тинъянь чувствовал, что общаться с Нин Цзией невыносимо утомительно: тот всегда исходил исключительно из собственной выгоды и совершенно не задумывался о чужих

проблемах.

Что бы ни говорили окружающие, он рассуждал лишь о том, как добиться своего, а на любые возражения отвечал новыми контраргументами.

Глубоко вздохнув, Гу Тинъянь бессильно сдался — в конце концов, он уступал ему уже столько раз:

— Ладно, раз хочешь остаться — оставайся. Наверху три спальни и кабинет, выбирай любую.

— Спасибо, братец Тинъянь, ты самый лучший! — Нин Цзюй обвился вокруг руки Гу Тинъяня, слегка качнувшись, и тут же забыл о только что доставленных неудобствах.

Гу Тинъянь бросил попытки вести с ним разумный диалог и поднялся на второй этаж в главную спальню — принять душ и лечь спать.

Но стоило ему закончить водные процедуры, как из соседней комнаты донесся звук фортепиано. Лицо Гу Тинъяня мгновенно переменилось, и он вспомнил, что в доме оставалось пианино Чу Иня.

Направившись на звук, он застал Нин Цзюя именно в той комнате, где раньше жил Чу Инь.

Заслышав шаги, Нин Цзюй обернулся и с мягкой улыбкой пояснил:

— Не ожидал, что в этой комнате есть пианино. Просто идеально для того, чтобы перекантоваться здесь в ближайшее время.

<http://bllate.org/book/19757/1945667>